

Свет доброты

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ

Такого количества исповедей одновременно мне не приходилось видеть... Чемоданы, папки, ящики секретера — все заполнено письмами. И на каждом конверте, треугольнике, открытке изящным почерком написано: «Отвечено».

«Отвечено» — потому что в этом доме живут болями и радостями других домов. «Отвечено» — потому что этот человек успевает помочь словом и делом сотням других людей, находя духовные и физические силы. Находя время. А это — самое удивительное. В сутках народной артистки СССР, Героя Социалистического Труда Елены Николаевны Гоголевой определено больше, чем 24 часа... Сцена, телевидение, радио, партбюро театра, в котором она отвечает — не на бумаге, на деле — за творческую молодежь. Последнее означает: знает каждого и о каждом, смотрит любой ввод артиста в спектакль, радуется до слез и до слез же огорчается... Причем понятие «молодежь» для Елены Николаевны очень растяжимо — уже зрелый художник Юрий Соломин для нее тоже «молодежь», фактически она пестует весь театр.

Гоголева иногда сетует, что ее обходили вниманием критики. Но вряд ли найдется актриса, чьи роли столь разнообразно и любовно отрецензированы зрителями.

Беру наугад несколько пи-

сем. Они из Москвы, Калуги, Горького, Уральска.

«Я помню Вас во всех ролях — Пановой, Эсфири, Элен, герцогини Мальборо, Дуни, Эболи, Весны и многих других. И в каждой были Вы и не Вы, а другой человек, непохожий и чем-то особенный» (Е. Переслени).

«То знамя реализма и возвышенного романтизма, которые, как воздух, нужны нам в жизни, никогда не устареет, и Вы прочно держите его в своих руках» (Г. Морозова, А. Днепровский).

«Я, бывший летчик-истребитель, до сих пор, как наяву, вижу Вас на сцене промерзшего Дома культуры в авиагарнизоне Кубинка в начале 1942 года, когда Вы выступали перед нами, летчиками-фронтовиками, уже получив известие о том, что Ваш сын, тоже летчик, не вернулся с боевого задания. Громкими аплодисментами летчики отдавали дань мастерству актрисы и мужеству матери» (М. Коробков).

Да, жизнь Елены Николаевны Гоголевой менее всего назовешь безоблачной. В ней были и потеря сына, и тяжелая болезнь, и годы творческого простоя в театре... Не случайно именно она является бессменным председателем Центральной комиссии по культурному шефству над Вооруженными Силами СССР — право на это дали ей мужество, вся ее биография.

Еще восемнадцатилетней студенткой Гоголева была приглашена Станиславским и Немировичем-Данченко во МХАТ. Но уже тогда она выбрала Малый театр и — вот уже 66-й сезон — работает в нем. Работает, являя высочайший пример отношения к своему делу как к служению.

Чему только не училась актриса, если того требовала сцена! Она брала уроки у знаменитого Труцци — и в спектакле лихо гарцевала на лошади. Дрессировала козленка — и играла с ним Эсмеральду в «Соборе Парижской богородицы» Гюго. Она с виртуозностью акробатки скатывалась вниз по огромной лестнице, выступая в роли Эболи в «Доне Карлосе» Шиллера. Невозможного в искусстве для нее не было. Да и сейчас нет. Она играет в любом жанре: от фарса до трагедии. И как играет!

Когда-то совсем юную дебютантку знаменитый актер Осип Андреевич Правдин вывел на авансцену и представил публике. В тот первый вечер она играла Джессику в «Венецианском купце». Потом еще роли, роли, роли... Была она партнершей великого трагика Александра Алексеевича Остужева — и по сей день носит в сердце благодарную память о нем. Быть благодарной — это тоже черта натуры Гоголевой.

Сегодня она играла острокомедийную миссис Кроули, завтра — трагичную «полусу-

масшедшую барыню» в «Грозе», послезавтра — строгую и гордую фрау Петерс. Она была обворожительной герцогиней Мальборо в «Стакане воды» и согбенной горем Анной Устиновной в «Пучине». Гоголева — яркий представитель романтической линии в искусстве Малого театра, но и бытовая характерность есть в ее актерской палитре. Недаром такой удачей стала Мурзавецкая из пьесы Островского.

Сколь различны бы ни были роли, играемые артисткой, одна остается неизменным — ее влюбленное отношение к партнерам, умение восхищаться чужими удачами. Стоит, например, заговорить о том, как горько и величественно сыграла она фру Альвинг в «Привидениях» Ибсена, и тут же выясняется, что «виноват» в удаче партнер — Н. Подгорный (Освальд). Она и книгу написала не столько о себе, сколько о людях, с которыми судьба даровала встречи.

Елена Николаевна умеет по-настоящему радоваться успехам других людей. И умеет сострадать. Показателем такой случай. Прихожу и застаю артистку в расстроенных чувствах. Оказывается, Верико Анджаларидзе захворала, и Гоголева решила, что причина тому — недостаточная занятость великой актрисы творческой работой. Села писать письмо, настоятельно рекомендуя Верико Ивлиановне сыграть... Ма-

муре. Она упрашивала взять ее, Гоголевой, роли И восторженно объясняла мне, как замечательно Верико может это сыграть.

А еще Гоголева талантливо и трудолюбиво добра. Именно трудолюбиво, потому что нет просьбы, на которую бы она не откликнулась делом. И с чем только к ней не обращаются! Кого-то устроить в Дом ветеранов сцены, кому-то помочь приобрести скрипку для одаренного ребенка. Это уже не говоря о многочисленных просьбах приехать и выступить. Ее день расписан по минутам, но время выслушать просьбу и исполнить ее она находит всегда. Даже в те дни, когда играет Мамуре, свою бенефисную роль, требующую колоссальных духовных и физических сил, актриса снимает телефонную трубку. Она выслушивает. Она не может, не умеет сказать, что устала.

Вспоминаю ее юбилей. Сначала Елена Николаевна сыграла Мамуре. Потом выстояла на сцене все приветствия и даже вальсировала с Козловским. Потом была хозяйкой на «дружеском чае», куда оказался приглашенным почти что весь Малый театр (Гоголева не делит сотрудников на «творческих» и «нетворческих»), а после, где-то около двенадцати часов ночи, кто-то из рабочих сцены пригласил ее танцевать, и она — откуда взялись силы! — схватив какой-то кон-

верт вместо платочка, пошла плясать. И как!

Может сложиться впечатление, что Елена Николаевна всегда бывает добра. Это не так. Она страстна в гневе, когда борется за честь своего любимого театра. Она болеет за театр всей душой, она страдает от каждого его «недомогания». И в борьбе она непримирима. И в страдании глубока. Гоголева вообще ничего не делает «вполсилы». У нее для этого слишком глубокая натура. Если шефствует над Вооруженными Силами, то постоянно ездит по воинским частям, не смущаясь расстояниями. Если верит режиссеру, то просит у него хоть маленькую роль и на первой же репетиции перечисляет ему свои недостатки и просит «содрачь с нее актерские штампы».

Актриса к каждой роли подходит с душевным трепетом. Заслужив всенародную известность и славу, она боится, что не сумеет сыграть. Каждый раз боится. Каждый раз мучительно сомневается в своих силах. И — создает очередной шедевр. Вроде крошечной ро-

ли, всего лишь эпизода в спектакле «Картина» Д. Гранина. В ее исполнении жена художника за десять минут проживает на сцене целую судьбу — трудную, горькую и чистую. Этого не описать словами. Это надо видеть.

Ее Мамурк — изящнейшая вязь из комедии и трагедии, романтики и быта, озорства и самоуглубленной затаенности. И там Гоголева проживает в рамках одного спектакля целую судьбу. Как раньше проживала в «Привидениях», «Пучине», «Господах Головлевых», «Грозе», «Волках и овцах» — всего не перечислишь. Да и не надо, потому что зорческая судьба Елены Николаевны Гоголевой продолжается. Потому что снова идет письма, на которых непременно появится аккуратное «отвечено».

Вот еще одно из них, от А. Яшенко из города Вышний Волочек: «Вы пишете, что задержали с ответом... Я удивилась, Елена Николаевна, как у Вас на все и про все времени хватает? Как здорово, что Вы есть на белом свете! Спасибо Вам за это!»

С. ОВЧИННИКОВА.